

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ

<Из воспоминаний о Вл. С. Соловьеве>

Соловьева привел ко мне Янжул. Он с первого раза привлек мою симпатию — смешно сказать, своей красотой и своим пророческим видом. Я не видел более красивых и вдумчивых глаз. На лице была написана победа идейности над животностью. Скоро у меня явилось новое основание любить Соловьева: простота и ровность его обращения, связанная с редкой непрактичностью, большая живость ума, постоянная кипучесть мысли. Соловьев работал в Британском музее, занимаясь Каббалою и литературою о Каббале. По вечерам он нередко показывался в обществе немногих русских, сходявшихся у Янжула или у меня. Английская пища, с характеризующим ее избытком мяса, была ему неприятна. Поэтому он обыкновенно обедал у одного итальянского кондитера на Тоттенгам Корт Род (Tottenham Court Road), кормившего его яйцами, рыбой, овощами и сладкими блюдами, до которых Соловьев был большой охотник.

Соловьев интересовался спиритизмом не в смысле дамской забавы верчения столиков, в котором он сам ранее принимал участие в Москве скорее шутя, чем серьезно, а так как он надеялся найти в явлениях, выдаваемых за материализацию духов, средство общения с загробным миром¹. Он убедил меня и Янжула пойти с ним в метафизическое общество, помещавшееся в то время на Great Russell Street, почти напротив Британского музея, на спиритический сеанс. Заранее были куплены билеты, по 5 шиллингов каждый. Нас поставили в круг. Потушили огни. На расстоянии нескольких секунд слышались звуки арфы. Соловьев внезапно выдернул руку у своего соседа, русского корреспондента «Голоса», и схватил за руку державшего арфу. Он, разумеется, стал отбиваться и слегка задел ею по голове русского корреспондента. Раздался крик. Все пришли в смущение. Снова зажгли электричество. Сделали нам строгий выговор и пригро-

зили вывести при повторении. Отвели затем в соседнюю комнату, где должна была последовать материализация духа какого-то морского райзбойника. После томительного ожидания мы увидели на некотором расстоянии от себя голову довольно дикого старика с белой бородой. Вполне материализовалась только нижняя часть лица. На выраженное нами желание видеть духа во весь рост последовал ответ, что в комнате слишком много скептицизма, а духи вольны в этом случае и отказать в полной материализации. Этот ответ вызвал с нашей стороны дружный смех, но Соловьева он рассердил — слишком уж серьезно он относился к этим вопросам. Владимир Сергеевич решил, что дело так оставить нельзя, и на следующий день пришел ко мне за подписью к подобию письменной жалобы, которую он направил комитету, заведовавшему метафизическим обществом. Нужно ли прибавлять, что никакого ответа на свою бумагу он не получил?

Интерес к спиритизму Вл. С. обнаружил и по случаю приезда туда известного русского спирита Аксакова². Целью его прибытия в Англию было найти медиума. Такой оказался в Ньюкэстле, если память мне не изменяет, какой-то кузнец. Это тот самый медиум, который разоблачен был Менделеевым на сеансе в Петрограде³. Я спрашивал Соловьева: какие причины обратили Аксакова в спирита? Он улыбаясь ответил мне: неудачный второй брак и желание свидеться с первой супругой⁴. Полушутя, полусерьезно Соловьев сообщил мне, что по ночам его смущает злой дух, Питер, пророча ему скорую гибель. Это было во время нашего совместного возвращения из музея госпожи Тюссо, музея восковых фигур. Я остановился на дороге и с некоторым раздражением, смотря в упор Соловьеву, сказал ему: «Уж не принимаете ли вы меня за одну из тех старых дев, которые, распустив уши, благоговейно внимают всему этому вздору в Москве?» Соловьев разразился детским смехом и не дал мне никакого положительного ответа. Вскоре я подал ему повод пошутить надо мной. Он просидел у меня весь вечер и собрался домой только в двенадцатом часу. Ночью я проснулся, и в незакрытой двери в гостиную мне предстал его образ, в черном сюртуке и высокой шляпе, в глубоком вольтеровском кресле. Вечером мы говорили о спиритизме. Я был еще под впечатлением этой беседы и поэтому невольно закричал, увидев материализацию духа живого человека. «А еще ничему не хотите верить», — слышался голос Соловьева. Дело объяснилось весьма просто. Крайне рассеянный, Соловьев забыл дома ключ от входа в свою квартиру. Пробродив некоторое время по улицам Лондона, он постучал ко мне. Его

впустили. Не желая никого беспокоить, он устроился на остаток ночи в моем кресле.

Как-то после вечера, проведенного в приятельской беседе с Янжулом и Соловьевым, я завел их обоих в только что открывшийся тогда в Лондоне бар, содержимый известной виноторговческой компанией Посада. Подали хороший херес. Оба моих приятеля очень быстро опьянели. Янжул стал попрекать Соловьева за его самонадеянность. «Много думаете о себе, Владимир Сергеевич! — говорил он ему. — Считаете себя вторым Белинским!» Соловьев, точно задетый этой фразой, ответил: «Белинский не был самостоятельным мыслителем, а я мыслитель самостоятельный». Мне вскоре пришлось развозить приятелей по домам. Соловьева я собственноручно уложил в постель. На следующий день он снова вернулся в наше общество тем же приятелем, и о вчерашней размолвке не было и речи.

Помню также, как однажды, не знаю уж по какой причине, Соловьев стал приглашать нас обоих пойти к Лаврову (Петру Лавровичу⁵), в это время издававшего в Лондоне «Вперед!». Я в то время очень мало интересовался, да и мало был осведомлен о русской внутренней политике, и потому не поддержал его предложения. С Лавровым мне пришлось встретиться только год спустя в доме Карла Маркса. Кажется, и сам Соловьев не дал дальнейшего хода внезапно посетившей его мысли.

Кроме меня и Янжула, он бывал еще в определенные дни у Ольги Алексеевны Новиковой, урожденной Киреевой⁶. Однажды он свел меня к ней. У нее собирались некоторые члены англиканского духовенства, озабоченные мыслью о сближении Православной и Англиканской церкви⁷. Неизменно в определенный час устраивался около камина и старик Кинглек⁸, автор известного сочинения о Крымской войне. Ольга Алексеевна в то время была еще женщиной с привлекательной наружностью. Отличное знакомство с английским языком и большие связи (ее муж был братом русского посла в Константинополе), наконец, самый тот факт, что она занимала квартиру в Вестенде на Бон Стрит, — не только в аристократическом квартале, но и на улице, соседней с клубом и редакциями многих газет, — были причиной того, что между пятью и шестью часами у нее можно было застать немало интересных англичан. Салон этот вскоре сделался и политическим. Ольга Алексеевна выступила защитницей русских и славянских интересов⁹. Во время сербской войны ее брат поступил на службу добровольцем и был убит¹⁰. Ольга Алексеевна написала Гладстону¹¹ письмо, в котором, под влиянием пережитого горя, она попрекала англичан в поддержке турок. Гладстон был

противником Дизраэли¹² в вопросах внешней политики и нашел в Ольге Алексеевне бесценного информатора по славянским делам. Между ними возникла оживленная переписка, которая продолжалась до самой смерти «великого старца». В салоне Ольги Алексеевны можно было встретить людей, редко где показывавшихся, между прочим, историка Карлейля¹³. Я привел в тот же салон однажды Фредерика Гаррисона¹⁴, известного главу английских позитивистов. В то время, когда этот салон посещаем был довольно часто Владимиром Соловьевым, политическая роль Ольги Алексеевны была еще в зародыше. Соловьева, видимо, привлекали беседы и знакомства с членами англиканской иерархии. Более частному общению с англичанами служило Соловьеву некоторым препятствием недостаточное знакомство с английским разговорным языком. Он поэтому охотнее бывал или в обществе своих соотечественников, или у тех англичан, которые, как Рольстон¹⁵, владели русским языком и интересовались Россией. Рольстон был одним из библиотекарей в Британском музее, заведовал отделом «Rossica», написал книгу о русских былинах и сказках, был в корреспонденции с Тургеневым, а в месяцы, предшествовавшие войне России с Турцией, устроил публичные лекции с целью ознакомить своих соотечественников с русским прошлым и вызвать симпатии к их освободительной миссии на Ближнем Востоке.

Во все время его пребывания в Лондоне Соловьев чувствовал себя не особенно хорошо. Начавшиеся осенние туманы переносились им с трудом. При большой худобе и бледности он легко мог вызвать опасения у любящей его матери, которая все более и более настаивала в своих письмах на его отъезде в более мягкий климат. Мне пришлось уехать в Париж и Ниццу для свидания с матерью. По моем возвращении я уже не застал Соловьева в Лондоне и вскоре узнал, что он уехал в Египет...

